

Пушкинский праздник — и Пушкинский заповедник на псковской земле: трудно сыскать два феномена отечественной духовной жизни наших дней, которые были бы более взаимосвязанными, «единокровными», своего рода сообщающимися сосудами. Судьба ежегодного народного торжества, что происходит в Пскове и Святогорье первым летним воскресеньем в честь дня рождения Поэта, и судьба самого Святогорья, мемориально-музейного комплекса усадеб, парков, лесов, озер, Сороти с притоками, городища Воронич, Савкиной горки и, наконец, Святой Синичей горы, где Александр Сергеевич обрел последний свой приют и где теперь действует возрожденная православная обитель — эти судьбы слиты воедино.

новому директору шибко горевать, что на этих страницах подчас и нечистая пена плещется в его адрес: видно, так уж у нас на Руси ведется — не ославят, так и не прославишься. Конечно же, ему предстоит еще сделать все возможное и невозможное для того, чтобы маститые сотрудники и опытные музейщики, проработавшие в заповеднике не одно десятилетие и не согласные с его программой по многим пунктам, не покидали бы Святогорье. Мне почему-то верится: рано или поздно и «консерваторы», и «новаторы» сомкнутся в своих деяниях — их сплотит главное: любовь к Поэту и к его заповедному краю. Вот так и с Праздником... Он вообще настолько вжился, «врос» в

днестве 1959 года, когда в Пушкинских Горах открыли памятник Поэту. Я впервые «живьем» увидел людей, чьи лица были знакомы по портретам, — Твардовского, Тихонова, Федина, именитых иностранных гостей. ...Но вот на XXX празднике площадки выступлений вновь огласились звучанием зарубежных нареканий, — и не чудом ли было слышать грациозную юную китайочку, что сама себя называла Таней (имя-то ее — Тянь) и декламировала «Письмо Татьяны». И вновь наполненная народом Поляна взрывалась овациями, когда с помосты взлетали над ней стихи молодых поэтов. Не в «серебряноглазости» дело — а в сокровищах души, которые везут и будут везти сюда, к подножию Синичей горы, новые поколения людей, для которых эта высота есть высшая точка духовного взлета... Надо твердо понять: эпоха со-

«ДОСТОЙНЫ ЛЬ МЫ СВОИХ НАСЛЕДИЙ?»

ПУШКИНСКИЙ ПРАЗДНИК
И ПУШКИНСКИЙ ЗАПОВЕДНИК
НА ПСКОВЩИНЕ:
ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА...

И немудрено, что горячие сшибки суждений и мнений относительно Праздника, его будущности тут же перерастают в еще более горячие споры о грядущем Заповедника, перспективах его развития (или хотя бы просто «выживания»). А лейтмотив оных споров, как правило, озвучен следующей «парадигмой» — «при Гейченко» и «после Гейченко». И у каждой из сторон — у тех, кто отстаивает незыблемость ВСЕГО, что было создано и воссоздано за 46 лет гейченковского директорства, и у тех, кто придерживается подчас прямо противоположных взглядов, — своя правда. Своя... Пишущий эти строки стал очевидцем возрождения Святогорья еще в самом начале 50-х и на протяжении нескольких десятков лет оставался очевидцем того подвижнического созидания, которое велось Хранителем. И мне бы тут сама судьба, казалось бы, велела быть «консерватором» во взглядах на Заповедник. Но именно она, судьба, диалектика и опыт утверждают меня в ином отношении к будущему музейного комплекса.

Несколько месяцев назад мне довелось застать молодого директора «Лукоморья», мягко говоря, не в лучшем состоянии духа: еще бы! — он держал в руках номер центральной газеты, в коем был напечатан лютый «наезд» на него. Я смотрел на невеселое лицо этого белорусского уроженца, который по воле сердца, заряженного (хотя и при дипломе экономиста) крепчайшим гуманистическим настроением, совершил, пожалуй, самый главный в его жизни шаг, приняв на себя бремя тех трудов, которые раньше вершил Гейченко, — и долго не мог найти слов сочувствия. Вроде бы однокоренные слова «слава» и «ославить» — но какая пропасть меж ними!... И мне вдруг вспомнился один «стоп-кадр» моего отрочества: мой отец на школьной полуротке привез Семену Степановичу в дар от моего деда-садовода новые саженцы для сада в Михайловском и особую «подкормку» для них. И вот что сильнее всего врезалось в память: мы с отцом сидим в доме Гейченко, на столе рядом с самоваром и чашками какие-то газеты разложены, и хозяин с горечью и со слезами в голосе говорит: «Саша, ну за что они меня так?! Я тут который год как рыба об лед бьюсь, а эти писаки меня уже который раз за год кусают как псы бешеные, прямо-таки преступником каким-то изображают, «пушкинисты» долбаные. И то я не так строю, и это не так крою, и деньги разбазариваю, и вообще тут барином живу... Чего они добиваются? Чтoby я плюнул да бросил бы все тут? Ну, плюну, вон, меня и в Пушкинский дом зовут, и в Павловск, а тут что будет?!» И Хранитель, потрясая над столом своими тогда еще не седыми волосами, начинает произносить и вовсе не печатную тираду, но останавливается, взглянув на меня, мальчишку, и яростно комкает лежащую перед ним газету...

Ничто не ново, все повторяется! Это лишь со стороны казалось, что руководитель Заповедника как бы изначально был легендарным, «лавровенчаным», этаким небожителем, недостижимым для критических стрел. Нет, летели они в создателя «Лукоморья» и в 50-е годы, и позже, когда он уже «во славу» вошел, а в последние годы его жизни, когда он немощен стал, «ветх денями и плотию», полетели и стрелы, и тяжкие камни просто градом (и посейчас, после ухода его в мир иной, тоже

летят). И ведь нельзя сказать, что все упрёки в адрес деятельности Гейченко беспочвенны. Впрямь переусердствовал он, украшая внешний облик строений и ландшафта, о чем ему и в глаза говорили его же друзья и единомышленники. Перестарался со всякими декоративными излишествами, пестрящими в заповедных окрестностях: тут и «дворцы»-скверчики с кучерявой резьбой, и пресловутая «златая цепь» на дубе, и многое иное...

Да, для меня «мое Лукоморье» навсегда, до конца останется таким, каким оно зародилось и созрело «при Гейченко». Как и для великого множества людей моего поколения — нам уже не стать другими... Но та же диалектика бытия да и опыт житейский говорят мне иное: у каждого нового поколения — «свой», «новый» Пушкин, следовательно — «свой», иной в чем-то образ Заповедника. Это естественно: «после Гейченко» музеи и парково-лесные ареалы Михайловского, Тригорского и Петровского постепенно становятся сферой труда других музейщиков-пушкинистов. И год от года, черта за чертой, примета за приметой Святогорье будет обретать облик, отличающийся от прежнего (но ведь и за десятилетия служения Хранителя его детище тоже менялось — как и он сам, по-пушкински здраво и естественно чувствующий движение времени).

Что ж, говорю я (не без тайной боли порой): пусть на святогорской земле многое изменится с приходом «племени младого, незнакомого». Лишь бы заповедная земля Поэта не превратилась в «среднеарифметический» центр туристско-развлекательной индустрии, где «меж нив златых и пахтей зеленых» вырастет, к примеру, железобетонная гро-

мада с неоновым полыханием латинских литер «PUSHKIN HOTEL». Не дай Бог, где-либо в Тригорском возникнут стриптиз-бары под названием «Анна Керн»! Или валютному казино «Пиковая дама»! Лишь бы не исчез из мест вдохновения своего сам Поэт! Пусть Заповедник станет во многом иным — но пусть он останется Пушкинским.

...Признаюсь, за несколько лет знакомства с новым директором страхи эти мои значительно поуменились (хотя и не исчезли вовсе). И в разговорах с ним, и во время обсуждения предложенной им программы развития музея-заповедника на заседании в Минкульте, и просто во время достаточно частых приездов в Святогорье за последние год-два я убедился в главном: молодой руководитель понимает, какую ношу взвалил на себя и знает, как ее нести. Его уже осуществляющаяся программа сочетает в себе, по-моему, экономический подход к делу в нынешних «рыночных» условиях, прагматизм и деловитость, присущую новому поколению, с благоговейно-романтическим, подлинно поэтическим отношением к предмету деятельности. Подчас даже (не одним мною замечено) с усиленной дозой мечтательной фантазийности — но лишь с таким порывом, с таким максималистским настроем и надо брать за дело... Конечно, во многом Георгию Николаевичу Васильеву не позавидуешь: ведь еще многие годы его будут сравнивать с его великим предшественником, мерить результаты его трудов «по шкале Гейченко». Но — взялся за гуж...

И «горячая температура» споров и дискуссий тоже вполне естественна и объяснима, и добро, что они ведутся на страницах печати. И не надо

бытие всей псковской земли и ее граждан, что не побоюсь сказать, — это своего рода «престольное» торжество для жителей нашей области. Даже если все «руководящие структуры», административные и литературские, махнут рукой в отчаянии от безденежья, — все равно, «не зарастет народная тропа», псковичи и святогорцы в этот ранний летний день будут подниматься на Синичью гору и возлагать там цветы к обелиску с именем Пушкина. Иначе быть не может: Александр Сергеевич — наш вечный земляк...

Но не должна «ностальгия» по прежним, пышным торжествам Пушкинским становиться чувством, отрицающим новую, пусть иную, чем прежде, но светонесущую и плодоносную будущность Праздника. «Была пора: наш праздник молодой Сиял, шумел и розами венчался...» Эти слова Поэта может сегодня с особым смыслом сказать любой из нас, «ветеранов» этого традиционного творческо-народного события. Розы увяли, опали... Причем сей «декаданс» резко обозначился, как ни странно во время действия горбачевского «сухого закона», борьбы против алкоголизма, выродившейся в издевательства над людьми и над поэзией. Легендой в неписаной истории праздника стал эпизод, когда на заключительном банкете один именитый пушкинист из Японии встал и оглядел стол, на котором было ни единой бутылки, и звонко, хотя и с акцентом продекламировал: «Выпьем с горя, где же кружка?!» — чем поверг в неопишное смущение хозяев стола... А потом наступили времена новых потрясений, и пошло-поехало — Праздник стал действительно увядать...

Да, горько, что никогда уже не появятся на Пушкинских псковских торжествах ни Андроников, ни Дудин, ни Антколовский, ни Симонов, зачинатели Первого праздника. Но мне помнятся и более ранние, еще без «порядковых номеров» встречи: мальчишкой мне довелось присутствовать на грандиознейшем праз-

ветской литературы — в прошлом.

И все-таки делать «ностальгию» по былому основному чувству, утверждать, что нынче всё и вся на «именинных» пушкинских торжествах якобы «с маленькой буквы», а вот прежде, мол, все было «с большой» — значит, не верить в то, что любовь к Поэту жива в людях, что она — и их таланты и дарования — могут стать и основой, и движущей силой для реального возрождения торжеств во имя Поэта как общенационального достояния. Еще раз говорю: уходит эпоха — и ее столпы вместе с нею. Трудно, больно, но нам надо начинать НОВУЮ эпоху Пушкинских празднеств, надо звать тех, кто молод, кто не обладает «шумной» известностью, но кто окрылит своим духовным светом Праздник — и сам будет открыт им для большого полета... Вспомним: многие «звездные» имена на первых Пушкинских праздниках еще не были таковыми: слава В.Соколова, А.Жигулина, В.Кострова, Г.Горбовского была еще впереди. Надо было видеть, например, как на XXX встрече с невероятным энтузиазмом многолюдная аудитория принимала уже вошедшего в «маститость» Юрия Полякова — а в середине 80-х он появился здесь лишь автором первой книжки стихов. Так поднимал имена молодых литераторов Праздник. Так оно будет и впредь!

...85 лет назад достойнейший наследник пушкинской лиры Иван Бунин в моем родном краю написал стихотворение «Псковский Бор» — вот одна строка из него: «Достойны ль мы своих наследий?» Стержневой вопрос нашего века...

То, каким в ближайшие годы станет в руках новых поколений пушкинское Святогорье, то каким станет на его земле 200-й день рождения Поэта — есть ответ на этот вопрос. Иначе говоря: достойны ль мы оставлять страной Пушкина...

Станислав ЗОЛОТЦЕВ.
● Скамья Онегина в Тригорском парке.
Гравюра В.ВАСИЛЬЕВА.

ВТОРОЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ ФЕСТИВАЛЬ

С 4 по 8 сентября 1997 года в Москве, в дни празднования 850-летия основания города, проводится Второй международный фестиваль художественного творчества народов Содружества Независимых Государств.

Для участия в фестивале приглашаются художественные коллективы и исполнители, мастера народных промыслов из государств СНГ, а также других стран.

Учредители и организаторы фестиваля — Всеобщая конфедерация профсоюзов, Межпарламентская ассамблея государств-участников СНГ, а также Федерация независимых профсоюзов России и Московская федерация профсоюзов.

Фестиваль проводится при поддержке мэра Москвы Ю.М. Лужкова. Почетным председателем Оргкомитета по подготовке и проведению фестиваля является И. Моисеев, художественный руководитель ансамбля народного танца. Сопредседателями оргкомитета фестиваля являются председатель Совета МПА государств-участников СНГ, председатель Совета Федерации Российской Федерации Е.С. Строев и председатель Всеобщей конфедерации профсоюзов В.П. Щербаков.

По вопросам участия в фестивале обращайтесь в оргкомитет фестиваля. Телефоны в Москве: (095) 938-82-74, 938-87-63, 938-88-13, 938-72-55. Факс: (095) 930-65-77, 938-21-55.

Заявки на участие принимаются до 1 августа.